

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 94(3)

А. О. Москалёва

«ОХРАНИТЕЛЬНАЯ ФОРМУЛА» В АССИРИЙСКИХ ЦАРСКИХ НАДПИСЯХ II ТЫС. ДО Н. Э.

Предлагаемая работа посвящена изучению финальной части текста царских надписей ассирийских правителей II тыс. до н. э. Заключение надписей обычно содержит наставления потомкам о том, как следует вести себя в отношении памятника и надписи, а также проклятия за несоблюдение данных наставлений. В статье описывается структура ассирийских царских надписей, а также рассматриваются основные этапы развития заключительного элемента этих текстов в контексте ассирийских царских надписей XIX–XIII вв. до н. э. Главная задача статьи — показать важность изучения заключительного элемента царских надписей и продемонстрировать, какого рода информацию можно извлечь при его исследовании.

Царские надписи — один из самых богатых и обширных источников по истории Ассирии II тыс. до н. э. Изучением этих памятников занимались Э. Вайднер, Х. Тадмор, М. Ливерани, Э. Райнер, А. К. Грейсон и многие другие. Над типологией подобных надписей в последнее время работал Д. Шарпен [1]. Несмотря на различный подход при исследовании материала царских надписей, автор данной статьи приходит к некоторым заключениям, схожим с выводами Д. Шарпена. Например, автор параллельно с Д. Шарпеном приходит к предположению, что в Месопотамии существуют надписи, которые считались одной из разновидностей votивных подношений, но различались по своим функциям, — посвятительные и закладные [2, с. 8]. Также удалось проследить, что оба вида надписей (и посвятительные, и закладные) присутствовали в практике Вавилонии и Ассирии. Одним из важнейших, если не ключевых различий между этими надписями является то, что охранительная формула, особый заключительный элемент, о котором более подробно речь идет ниже, в Вавилонии присутствует только в посвятительных надписях (строительные надписи не имеют этого элемента), а в Ассирии данная часть присутствует только в закладных надписях.

Москалёва Анастасия Олеговна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: nastenkaspb@mail.ru

Ассирийские царские надписи составлялись от имени правителя и описывали строительные и позднее военные деяния царя. Тексты часто были записаны на каменных, глиняных, металлических табличках. Позднее писцы, по-видимому, изготавливали на глине многочисленные копии более ранних надписей¹. Обычно оригиналы таких памятников помещались в недоступное человеческому взгляду место — в фундамент или в стену постройки.

Из более 200 опубликованных в RIMA 1 [3] надписей наиболее показательных с точки зрения как сохранности, так и репрезентативности — 59: в них имеется заключительный раздел, представляющий для данного исследования особый интерес.

Структура ассирийских царских надписей

Ассирийские царские надписи с начала своего появления в XIX в. до н.э. обычно имели четкую структуру. Текст всех надписей, начиная со II тыс. до н.э. и до конца XIII в. до н.э. (а фактически вплоть до гибели Ассирии в VII в. до н.э.), можно условно разделить на 4 части.

I часть — представление: в этой части царь называет свое имя, наделяет себя многочисленными эпитетами, указывает бога, по воле которого он стал законным правителем. Упоминания о военных или строительных деяниях обычно следуют в форме эпитетов. Например: «Салманасар, ставленник Энлиля, наместник Ашшура, могучий царь, царь всех людей, пастырь человечества, тот, кто следит за Экурром; беспощадный уничтожитель преступников; великий дракон сражений; проклятие врагов; оружие, сокрушающее непокорных; тот, кто ослабляет войско неприятеля; растаптывает восставших; подчиняет все горы; тот, кто развеял как зерно армию Куту по отдаленным регионам; завоеватель Луллубу и Шубару; тот, кто внизу и наверху развеял всех врагов; сын Ададнерари, ставленника Энлиля, наместника Ашшура, сына Арикдини, который также был ставленником Энлиля и наместником Ашшура» [3, р. 190, строчки 1–4]. Начиная с правления Ададнерари I (1307–1275 гг. до н.э.), структура царской надписи расширилась [1, р. 217]: появилось второе представление. Первое представление — в начале текста, второе — после сообщения о военных деяниях перед строительной частью. Первое, как правило, достаточно обширное, включало в себя генеалогию царя, его титулатуру, упоминало его богов-покровителей. Второе (обычно в 3–4 строки) кратко повторяло наиболее значимые эпитеты царя. Пример двойного представления мы находим в тексте Салманасара I о восстановлении храма Эхурсагкуркурра в г. Ашшур. В первом представлении в начале всей надписи сообщается: «Салманасар, ставленник Энлиля, священный наместник Ашшура, ставленник богов; правитель, любимец богини Иштар; тот, кто поддерживает ритуалы и приносит жертвы; тот, кто приносит изобильные жертвы всем богам; основатель священных культовых центров; строитель Эхурсагкуркурры — святилища богов и горы стран; вызывающий изумления великий дракон; пастырь всех поселений; тот, чье правление во всем приятно Ашшуру; отважный герой, умелый в битвах; сокрушитель врагов; тот, кто оглушает громом битвы своих врагов; чьи яростные воины, как пламя; чье оружие атакует как смертельная сеть; незыблемый правитель, который действует при поддержке Ашшура и великих

¹ Д. Шарпен полагает, что «обычные тексты писались на глине, а камень и металл использовались для особо торжественных случаев и тогда, когда текст желали сохранить как можно дольше» [1, р. 224].

богов, его господ; тот, кто не имеет себе равных; тот, кто пленяет воинов по всей территории — сверху донизу; господин, к чьим ногам Ашшур и великие боги склонили всех правителей и царей ...» [3, р. 182–183, строчки 1–22]. Второе — перед сообщением о восстановлении храма: «Преданный пастырь, чье имя боги Ану и Энлиль, призвали навечно; я, сын Ададнерари, ставленника Энлиля, наместника Ашшура, сына Арикдинили, который также был ставленником Энлиля и наместником Ашшура» [3, р. 184–185, строчки 107–111].

2 часть — описание военных деяний царя, стабильно присутствовала в надписях ассирийских правителей начиная с Салманасара I. В ней описывались такие события, как военные походы, подавление мятежей, принятие дани от покоренных народов и т. п. Деяния, о которых повествуется в этой части, также, по-видимому, располагались в хронологическом порядке. В тех текстах, где эта часть отсутствовала, т. е. в текстах, посвященных исключительно строительной деятельности царя, военные достижения упоминались в виде эпитетов в первом представлении. Например, в надписи Тукульти-Нинурты I по поводу строительства Нового дворца в г. Ашшур не говорится о подавлении мятежей или завоевании Вавилона, но царь назван «победителем мятежников» — *ka-šid mul-tar-hi* [3, р. 247, строчка 23] и «(тем, кто) пленил Каштилиаша» — *ú-šá-pu-ú^mkaš-til-a-šu* [3, р. 247, строчка 2].

Принято считать, что самое раннее «сообщение о военных деяниях» царя засвидетельствовано в надписях Салманасара I [4, р. 14]. Данная часть в надписях Салманасара I присутствует только в одном тексте [3, р. 247], однако уже в надписях его сына, Тукульти-Нинурты I, встречается в пяти текстах. Примечательно, что в надписи Шамши-Адада I впервые появляется очень краткое сообщение, косвенно свидетельствующее о военных деяниях: «В то время я получал дань в моем городе Ашшуре от правителей Тукриша и от правителя Верхней Земли. Я установил свое великое имя и свою памятную надпись в земле Ливан на берегу Великого моря» [3, р. 50, строчки 73–87].

3 часть — строительная — обязательная в царских надписях. В ней описывались различные строительные работы, совершенные по приказу царя (постройка или восстановление дворца, храма, городской стены, а также расчистка территории под строительство). Например, в тексте Эришума I (1940–1901 гг. до н. э.) сообщалось: «С помощью бога Адада, стоящего рядом со мной, я построил храм и все, что находится на территории храма; я установил двери» [3, р. 37, строчки 14–26].

4 часть — охранительная формула — это наставление последующим правителям относительно восстановления постройки в случае ее разрушения и проклятие тем, кто пренебрежет указанными наставлениями. Охранительная формула в ассирийских царских надписях, по-видимому, изначально была связана непосредственно со строительной частью, являясь ее логическим продолжением. Об этом позволяет судить то, что во всех текстах, где сообщалось о каком-либо строительстве, также почти всегда присутствовала и охранительная формула.

Одним из примеров охранительной формулы является фрагмент текста Арикдинили (1319–1308 гг. до н. э.), содержащий описание восстановительных работ в храме Шамаша в Ашшуре²: «В будущем последующий правитель, когда здание это обветшает, и он обновит его, пусть натрет маслом мою надпись, пусть принесет жертвы, пусть

² Именно в текстах Арикдинили I впервые появляется та четкая структура, которая в дальнейшем легла в основу «общего стандарта» структуры охранительной формулы.

вернет (надпись) на свое место, (тогда) Шамаш молитвы его будет слушать. Тот, кто надпись мою изменит и посчитает нужным убрать, Шамаш, мой господин, царствование его пусть свергнет, пусть найдет голод на его страну» [3, р. 120, строчки 49–77].

Для большинства исследователей главным объектом изучения была военная часть, описывавшая конкретные исторические факты, что позволяло восстанавливать внешнеполитическую историю государства, в том числе основные направления и детали военных походов. Строительная часть изучалась отдельно, главным образом для того, чтобы идентифицировать найденные археологами дворцы и храмы, а также получить из надписи информацию о том, кто и в какой период своего правления осуществлял то или иное строительство. Особый интерес у исследователей вызывала и часть «представление», содержащая титулатуру правителя и позволявшая выявить некоторые идеологические моменты, связанные с восшествием на трон, легитимностью правления, генеалогией правителя и т. п. При этом детальному изучению охранительной формулы как полноценному разделу надписи уделялось очень мало внимания, в то время как ее анализ позволяет сделать важные и интересные выводы.

Охранительная формула

Заключительная (четвертая) часть как будто не несет исторической информации, и ее анализ зачастую остается за рамками исследования царских надписей. Вероятно, по этой причине данный элемент не получил в ассириологической науке устойчивого определения. К В. фон Зодену восходит обозначение заключительной части царских надписей термином «*blessings and curses*» — «благословения и проклятия» [5, р. 206]. Мы предлагаем ввести для обозначения финальной части надписи термин «охранительная формула», который отражает ее основную функцию — охрану памятника и самой надписи.

Вслед за В. фон Зоденом в заключительной части можно отдельно выделить благословение (или благопожелание) и проклятие. Однако в действительности эти две составляющие появились в разное время. «Благопожелание» отмечено в более ранних текстах. В нем сообщалось о том, как последующему правителю должно обходиться с постройкой и надписью.

До образования государства Ассирия (с началом правления Ашшурбаллита I) охранительная часть содержала только благопожелание. В качестве примера можно привести текст Пузур-Ашшура III. Он написан на хорошо сохранившемся закладном глиняном гвозде, найденном в Ашшуре. В нем сообщается о восстановлении стены и ворот Мушлалу³. В охранительной формуле надписи сообщается: «(если) последующий правитель, когда стена эта обветшает, отстроит ее, то Ашшур и Адад (его молитвы) будут слушать; мой закладной гвоздь на свое прежнее место пусть он вернет» [3, с. 90–91, строчки 11–15]⁴.

³ Мушлалу (акк. *mušlālu(m)*) — ступенчатые лестничные ворота [6, р. 222]; храм и дворцовые ворота с парадной лестницей в Ашшуре [7, S. 684]; вероятно, эти ворота были местом, где проходили судебные разбирательства. Название ворот или здания у ворот [8, с. 277]; с особой ссылкой на акты правосудия. «Это благо для людей» — Царские Входные Ворота — *mušlālu* [9, с. 177–178 §2 The City Gates of Aššur]. *Mušlālu* в Ашшуре и Ниневии связаны с городскими воротами этих городов. В староассирийский период здание *mušlālu* было местом суда и справедливости. Это напоминает о древней традиции «правосудие в воротах» [9, с. 458].

⁴ В надписи Пузур-Ашшура III впервые в охранительных формулах ассирийских текстов появилось упоминание о «награде», которая следовала за правильное обращение с обветшавшей постройкой и с над-

«Проклятие» как устойчивая формула впервые фиксируется только в текстах Арикдинили (1319–1308 гг. до н.э.). В нем сообщается о наказаниях (бедах), которые падут на голову нечестивого царя, пренебрегающего наказами и не восстановившего постройку и надпись. В тексте Арикдинили о восстановительных работах в храме Шамаша в Ашшуре сообщалось: «в будущем последующий правитель, когда здание это обветшает, и он его обновит, надпись мою маслом пусть он натрет, жертвы пусть он принесет, на свое место пусть (мою надпись) вернет, (тогда) Шамаш молитвы его будет слушать. Тот, кто надпись мою изменит и посчитает нужным убрать, Шамаш, мой господин, царствование его пусть свергнет, на его страну пусть найдет голод» [3, с. 122, строчки 66–77].

Именно с появлением части с проклятиями охранительная формула начинает разрастаться и эволюционировать. Сами же царские надписи с этих пор в целом приобретают наиболее полный вид и впредь структурно практически не меняются. В то же время создавались и надписи, охранительная формула которых содержала только проклятие. Например, другой текст Арикдинили: «Тот, кто имя написанное сотрет, и царскую надпись уберет, Шамаш, мой господин, царствование его пусть свергнет, и на его страну пусть он найдет голод» [3, р. 122, строчки 5–11].

Структуру охранительной формулы можно представить в виде составляющих ее структурно-функциональных компонентов: а) что может произойти с постройкой или посвящаемым предметом; б) кто выполнит благопожелание; с) что именно выполнит; d) боги, осуществляющие награду; e) награда; f) преступление; g) наказание и h) боги, осуществляющие наказание.

Компоненты а, с, d и e образуют *благопожелание*, общая формулировка которого в ассирийских текстах выглядит следующим образом: «когда творение разрушится, будущий правитель должен сделать / пусть сделает то-то и то-то, тогда боги его наградят». Компоненты f, g, h образуют *проклятие*, которое строится по следующей схеме: «того, кто совершит преступления, пусть боги накажут».

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ

а) что может произойти с постройкой или посвящаемым предметом

Этот пункт мало изменялся на протяжении II тыс. до н.э. Менялось, конечно, наименование постройки. Это могло быть: здание, храм, стена города (внешняя или внутренняя), стена и рвы, терраса, здание хранилищ и их двери, работа (творение), дворец, зиккурат и храм Ашшура. То, что могло произойти с постройкой в будущем, также практически неизменно: в будущем она непременно разрушится. существовал стандартный набор вероятных причин разрушения: «обветшает», «станет старым и обветшает», «наводнение унесет», «наводнение разрушит».

Этот пункт имел устойчивый характер. Здесь подробно описаны варианты того, что может произойти в будущем с постройкой или с надписью. Очень часто эта информация дублировалась в пункте f, но уже в виде описания возможных преступлений.

б) лицо, выполняющее благопожелание

Этот пункт показывает, что охранительная формула была обращена исключительно к последующему правителю. Здесь говорилось о его вознаграждении в случае ис-

пью. В дальнейшем эта формулировка, выражающая благопожелание, станет неотъемлемой составляющей частью охранительной формулы.

полнения надлежащих действий в отношении обветшавшей постройки. Этот пункт на первый взгляд оставался неизменным.

Однако лишь при Шамши-Ададе I последующий правитель назван аккадским *šarru(m)* «царь» (шумерограмма LUGAL или MAN). В дальнейшем последующего правителя именовали исключительно *rubû(m)* «правитель, князь» [10, р. 395], который сначала выписывали слоговым образом *ru-bu-û ar-ku-û* «последующий правитель», позднее — шумерограммой NUN EGIR.

с) что именно выполнит

Этот раздел содержал описание должного поведения последующего правителя в отношении постройки или надписи. Несмотря на то что вариантов этого пункта достаточно много, все они касаются в основном двух аспектов: восстановления постройки и «возвращения» надписи на свое место с подобающими ритуалами⁵.

В текстах раннего периода мы видим, что самым важным было «возвращение имени и надписи»⁶, вероятно, для того, чтобы никто не мог присвоить себе деяние царя. Например, текст Ададнерани I, описывающий работы по восстановлению северной стены Ашшура и набережной Тигра: «В будущие дни правитель последующий, когда стены и рвы, которые (находятся) за ними, обветшают, должен обновить (их), имя Ашшурубаллита, моего отца, и мое написанное имя на свое прежнее место пусть он вернет, (тогда) Ашшур молитвы его будет слушать. Тот, кто имя Ашшурубаллита, моего отца, и мое написанное посчитает плохими, Ашшур, великий господин, царствование его пусть свергнет, имя его и семья его в стране пусть он уничтожит, Иштар, моя госпожа, поражение его стране пусть установит». В более поздних надписях всегда присутствовала формулировка «то, что разрушено, пусть восстановит» [3, р. 145, строки 22'–34'].

Зачастую в охранительной формуле упоминалось о том, что сам правитель тоже восстанавливал разрушенные постройки своих предшественников, возвращая на место их надписи и имена; подробные сведения об этом в более поздних текстах приводились в строительной части. Иногда в надписи упоминалось о том, что нужно вернуть на место не только надпись самого правителя, но и надписи его предков, которые, вероятно, строили это здание. Например, текст 5 Салманасара I: «(будущий правитель) должен восстановить его (здание); как я, надписи Ашшурубаллита, моего предка, не изменял, на свое место я возвращал, мои надписи на свое место пусть он вернет» [3, р. 194, строчки 28–35].

Иногда при сообщении о желательном поведении в отношении постройки и надписи перечислялись необходимые сопроводительные ритуальные действия. Так, в другом тексте Тукульти-Нинурты I говорится: «... (то, что) разрушено, пусть он обновит; надпись мою маслом пусть натрет; жертву пусть он принесет; на свое место пусть он вернет...» [3, р. 270, строчки 56–58].

d) бог(и), осуществляющие награду

Награду за выполнение всех пожеланий относительно разрушенной постройки и обветшавшей надписи обычно осуществляли те боги, которым посвящена постройка или надпись или которые являлись важнейшими для правителя и его города, т. е. обычно верховные боги ассирийского пантеона. Иногда награду осуществляли те боги,

⁵ Подробнее о ритуале, завершающем строительство, см.: [11, р. 154–162].

⁶ Имеется в виду, вероятно, подновление текста на глине с тем, чтобы сделать имя царя и надпись более читабельными.

«на чьей территории» велись строительные работы или которые покровительствовали царю. В ассирийских текстах чаще других упоминался бог Ашшур, почти в два раза реже — пара Ашшур и Адад. Имена других богов упоминались только тогда, когда речь шла о восстановлении их храма.

е) **награда** — являлась неизменным компонентом на протяжении всего II тыс. до н. э. Все награды касались только личности правителя: «...такие-то боги будут слушать его (правителя) молитвы»⁷. Когда боги внимали молитвам правителя, тем самым они ему покровительствовали и оказывали помощь. Типичный пример награды в охранительной формуле встречается в тексте Эриба-Адада I (1392–1366 гг. до н. э.): «... (если) правитель последующий, когда... обветшает, он восстановит, Ашшур и Адад его молитвы будут слушать» [3, р. 107, строчки R: 2–8].

ПРОКЛЯТИЕ

Так, в тексте Салманасара I, посвященном восстановлению храма Иштар в г. Ашшур, говорится: «...Того, кто изменит мою надпись и мое имя, Ашшур, мой господин, его царство свергнет, имя его и семья его в стране пусть он уничтожит, Иштар, госпожа, поражение его страны пусть установит, перед своим врагом пусть он не устоит, Адад молнией зла его страну пусть поразит, на его страну пусть найдет голод» [3, р. 195–196, строчки 22–31].

f) преступление

До Шамши-Адада I этот компонент надписей отсутствовал, как и проклятие в целом. После свержения его династии проклятие в надписях снова исчезает и появляется вновь лишь при Арикдини. Далее эта часть устойчиво закрепились в охранительной формуле и ко времени правления Тукульти-Нинурты I содержала подробные описания всевозможных прегрешений. По-видимому, это свидетельствовало об изменении функции охранительной формулы (благопожелания остались короткими и стандартными, а проклятия увеличились и стали различаться по содержанию).

Перечисляемые преступления могли совершаться как против закладной надписи и имени царя, написанного на ней, так и против постройки (в ранних текстах перечислялись некоторые нравственные преступления). Пример проклятия в тексте Адад-нерари I: «(Тот, кто) имя мое написанное сотрет и имя свое напишет; надпись мою испортит, разрушить ее посчитает нужным, забвению он (ее) предаст, землей (ее) покроет, огнем (ее) сожжет, в воду (ее) бросит, в Бит-Асакки, место, где (ее) не видно, он ее внесет и поместит (там); из-за проклятий этих чужаку из другой страны, врагу злему, тому, кто говорит на другом языке или кому-либо другому он прикажет и даст повеление, что-либо (плохое) задумает и сделает...» [3, р. 134, строчки 36–47].

От ряда ассирийских правителей дошло большое количество текстов, содержащих только стандартную формулировку преступления: «изменит мою надпись и мое имя». Также известно некоторое количество текстов, в которых подробно перечислялись все возможные преступления против постройки и надписи. Подробный перечень проклятий содержится в тексте Тукульти-Нинурты I, описывающем строительные работы на территории Нового Дворца в Ашшуре: «...(того,) кто имя написанное сотрет и имя свое впишет, мою надпись посчитает плохой, в место другое, место, где ее не

⁷ Единственным исключением для данного компонента является текст I Эришума I, который очень сильно отличается от всех остальных закладных надписей и очень условно может быть отнесен к этому жанру. В этом тексте правителю за праведное поведение боги даруют «кинжал, лук и щит» [3, р. 21, строчки 73–74].

видно, установит, кто какое-либо злодеяние задумает и сделает, или богам, живущим в Ашшуре во время праздников в мой дворец входить он будет препятствовать, во дворец другой их созовет, дворец этот он оставит и бросит его...» [3, р. 245, строчки 94–110].

В тексте Салманасара I особое внимание уделялось повреждениям, нанесенным надписи правителя: «...Того, кто изменит мою надпись и мое имя, Ашшур, господин, его царство пусть свергнет, имя его и семья его в стране пусть уничтожит» [3, р. 191, строчки 42–46].

g) наказание и h) боги, осуществляющие наказание

Эти компоненты до Шамши-Адада I встречались нерегулярно; затем полностью исчезли вплоть до Арикдини́ли. Со времени Салманасара I они устойчиво закрепились в охранительной формуле. Наказания чаще всего касаются статуса правителя, причем осуществляются богами «коллективно». Выбор карающих богов мог определяться тем, храм какого божества подлежал восстановлению либо на территории какого божества находился объект строительства. Например, в надписи, посвященной восстановлению храма богини Диниту или храма богини Иштар, наказания осуществляли эти богини. Вместе с тем в большинстве случаев наказания должны были исходить от Ашшура и Адада — верховных богов ассирийского пантеона. Иногда упоминались и вавилонские боги: Нергал — у Шамши-Адада I, Ану — у Ададнерари I.

Можно предположить, что характер наказания был связан с функцией того или иного бога. Яркий пример этому находим в тексте Тукульти-Нинурты I: «...Ашшур и Адад, боги неба и земли, царство его пусть низвергнут; имя его, семья его в стране пусть заставят исчезнуть; царь, его противник, трон его пусть заберет (и) на его (сверженного царя) глазах страной его пусть он управляет; Иштар, госпожа, определившая очередность моего царствования, поражение его страны пусть она установит, (так что) перед своими врагами пусть он не устоит; в руки его врагов пусть она (Иштар) его предаст» [3, р. 245–246, строчки 111–126].

Несмотря на многочисленность упоминаемых богов, можно проследить, какие именно боги чаще выполняли те или иные наказания. На страну нечестивого правителя голод могли наслать как Ашшур, так и Адад. Адад главным образом карал страну разрушительными катастрофами: вызывал наводнение, превращал города в пустынные холмы, насылал на страну голод и нужду; Иштар наказывала чаще военным поражением, лишением мужского достоинства, отдавала царство нечестивого правителя в руки врага.

Отношение последующих правителей к наказам, содержащимся в охранительной формуле

Благопожелание по сути является указанием на то, как следовало вести себя праведному правителю. Показательно созвучными этим благопожеланиям оказываются перечисленные в надписях реальные заслуги правителей, выполняющих указы своих предшественников.

Например, Шамши-Адад I в одной из своих надписей [3, р. 51–55] сообщал о том, как он проводит восстановительные работы в святилище богини Иштар. Упомянув о том, что закладные надписи, оставленные этим царем, были найдены на месте восстановительных работ, Шамши-Адад I клянется, что не заменял закладные надписи

аккадского царя, а восстановил их и вернул на место, а рядом поместил собственные [3, р. 51–55, строчки II: 21– III: 10]. Далее он обращался к последующему правителю, который будет восстанавливать этот храм, призывая его поступить таким же образом и с его (Шамши-Адада I) надписями, вернув их на первоначальное место.

Ашшурремнишешу [3, р. 101–102], восстанавливая древнюю стену Ашшура, упоминал в надписи своих предшественников по строительным работам, называя их своими предками (акк. *ab-ba-ia*): «Стена, которую строили Киккия, Икунум, Саргон, Пузур-Ашшур, Ашшурнерари, сын Ишме-Дагана, — мои предки» [3, р. 101, строчки 5–7]. В надписи также говорилось о том, что от них сохранились даже закладные надписи. В заключении Ашшурремнишешу сообщал, что он восстановил стену сверху донизу и поместил туда, а также восстановил закладные гвозди прежних правителей [3, р. 102, строчки 11–12]. Таким образом, история строительных работ, с одной стороны, оказывается для правителя важным источником его знаний о последовательности правлений в прошлом. С другой стороны, вписывание собственного имени в эту последовательность можно рассматривать как очередной способ легитимизации.

Салманасар I в тексте, где речь шла о восстановлении храма Ашшура Эхурсагкур-курра [3, р. 180–186], в конце строительной части сообщает, что поступил с надписями предыдущих царей подобающим образом [3, р. 186, строчки 161–163]. В завершение он добавляет: «я поместил свои закладные⁸ надписи, я натер маслом закладные надписи предшествующих царей, устроил жертвенное возлияние и вернул их на свое место» [3, с. 186 строчки 156–157]. Более 600 лет спустя после Эришума I мы находим похожее описание строительного ритуала, данных о котором не было в надписях других царей: «...в основание я поместил (драгоценные) камни, серебро, золото, железо, медь, олово, слои ароматических растений. Я замешал в раствор масла, ароматное масло, кедровую смолу, мед и топленое масло» [3, р. 185, строчки 141–146].

Таким образом, ассирийские правители старались показать в своих надписях, что они не нарушали запретов, описанных в охранительной формуле, и следовали пожеланиям предшественников, строивших и восстанавливавших здание. По-видимому, восстановительные работы сопровождал некий ритуал, связанный с выполнением наказов, изложенных в охранительной формуле: правитель должен был достать надписи предыдущих строителей, натереть их маслом и положить на их прежнее место. Память о них и об их деяниях не должна была исчезнуть под страхом жестоких проклятий.

Примеры нарушения наказов охранительной формулы

Во II тыс. до н. э. имеются некоторые косвенные свидетельства того, как могли, тем не менее, быть нарушены запреты, которыми предшественники оберегали свое имя, свои деяния и память о себе.

Ярким примером того, как важно было исполнение наказов охранительной формулы, служит уже упоминавшаяся надпись Шамши-Адада I, в которой царь завещал последующему правителю не менять его собственную закладную надпись, как и сам он (Шамши-Адад I) во время восстановительных работ не заменил закладную надпись Маништушу [3, с. 53, строчки II:21–25]. В охранительной формуле сообщается: «...в

⁸ Акк. *temenniġa u narĕġa* — в научной литературе этот термин трактуется либо как словосочетание “monumental inscriptions and clay inscriptions” [3, р. 53–54, строчки II:21–III:10], либо как составной термин “foundation inscriptions” [12, р. 367].

будущем, в дни грядущие то, что касается здания: царь, которого Энлиль призовет (на царство), когда храм Экитушкуга, который я построил, обветшает, и он будет его обновлять, как я и закладные надписи Маништушу не заменил, (так и) мои закладные надписи пусть он не меняет; на свое место пусть он их вернет; если же царь этот (все-таки) убрал, мои закладные надписи заставил извлечь, и на свое место не вернул их, свои (собственные) закладные надписи (вместо моих) установил, — этот царь поступил непотребно по отношению к богам и царям; Шамаш, судья великий неба и земли в качестве выдающего убийцу пусть его передаст царю, его недоброжелателю; Иштар, госпожа Ниневии, царственность его и правление его пусть заберет, и другому пусть отдаст» [3, р. 54, строчки III:11–IV:25].

Правитель никогда не сообщал о том, что он «нарушал заповеди» своих предков. Однако по некоторым косвенным свидетельствам можно предположить, что иногда правители все же могли пренебрегать древними табу. В одном из текстов Тукульти-Нинурты I [3, р. 259–260], дошедшем на различных табличках (из камня, золота, серебра и олова), обнаруженных в Ашшуре, сообщалось о строительных работах в храме Иштар. В них, в частности, говорилось о восстановлении святилища богини Диниту: А. К. Грейсон отмечает, что чтение и значение имени данной богини неясно, однако, возможно, это один из эпитетов Иштар [3, с. 159]. По некоторым археологическим данным А. К. Грейсон сделал предположение о том, что святилище изначально было посвящено *Bēlet-Akkadī* («Госпоже аккадцев»), Иштар Аккадской [9, р. 281]. Однако затем предыдущее название святилища оказалось стерто теми, кто восстанавливал храм, и поверх надписи на одном из строительных кирпичей были нанесены слова «храм богини Диниту». По одной версии и *Bēlet-Akkadī*, и *Dinītu* являлись эпитетами Иштар [13, S. 187]. Однако, по мнению Э. Джорджа, Белет-Аккади и Диниту — это разные богини [9, р. 462].

Когда типичные с точки зрения охранительных формул преступления совершались по отношению к постройкам врагов, эти поступки изображались как праведное деяние в отношении злодея и незаконного правителя. Например, после распада державы Шамши-Адада I к власти пришел Пузур-Син. В единственной известной нам закладной надписи он подчеркивал «не ассирийское» происхождение Шамши-Адада I, тем самым делая упор на собственном «истинно ассирийском» происхождении. В этом тексте Пузур-Син предстает как правитель, избавивший страну от иноземца и узурпатора Шамши-Адада I, восстановивший истинную династию, традиции и обычаи города-государства Ашшура. Пузур-Син заявляет, что Шамши-Адад I во время своего правления разрушал святилища в Ашшуре. Каменная табличка из Ашшура гласит: «Когда Пузур-Син, наместник Ашшура, сын Ашшурбельшаме, победил зло Асинума, наследника Шамши-Адада, который был... города Ашшура, и установил надлежащее правление для города Ашшура; в то время я, Пузур-Син, уничтожил чужеземную чуму, которая была не из Ашшура. Ашшур справедливо... (своими) священными руками и я, по приказу самого Ашшура, моего господина, разрушили все неподобающее, что он построил, а именно стену и дворец Шамши-Адада, его деда, (который был) иноземной чумой, (а) не из Ашшура, и который разрушил святилища города Ашшура, — я же разрушил дворец, который он построил, возвел стену от Ворот бога Илула до своего дворца...» [3, р. 77–78].

Таким образом, охранительная формула, на наш взгляд, может являться самостоятельным объектом исследования. Ее детальное изучение позволяет извлечь ценные

и разнообразные сведения по истории, идеологии, культуре и религии Ассирии II тыс. до н.э. Очевидно, что эти методы правомерно применить также к царским надписям других периодов и регионов. Это могло бы дать новый материал для сопоставительного анализа процессов, протекавших в области государственной идеологии, религиозной и культурной жизни на протяжении длительного существования месопотамской цивилизации.

Литература

1. *Charpin D.* Lire et écrire à Babylone. Press universitaires de France, 2008. 314 p.
2. *Москалёва А. О.* Охранительная формула в вавилонских и ассирийских царских надписях II тыс. до н.э.: магистерская диссертация. На правах рукописи. СПб., 2009. 140 с.
3. *RIMA 1: Grayson A. K.* Assyrian Rulers of the Third and Second Millennia BC: Royal Inscriptions of Mesopotamia: Assyrian Periods 1. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 1987. 355 p.
4. *Tadmor H.* History and Ideology in the Assyrian Royal Inscriptions // Fales F.M. (ed.) Assyrian Royal Inscriptions. New Horizons, Roma, 1981. P.13–33.
5. *Soden W. v.* The Ancient Orient: An Introduction to the Study of the Ancient Near East. Michigan, 1994. 272 p.
6. CAD, M 2: The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago / eds Civil M., Gelb I. J., Oppenheim A. Leo, Reiner E. Chicago, 1977. 324 p.
7. AHW: *Soden W. v.* Akkadisches handwörterbuch. Wiesbaden, 1965.
8. RLA: *Ebeling E., Meissner B.* Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Bd 8½: Meek-Miete. Berlin; New York, 1993. 589 S.
9. *George A. R.* Babylonian Topographical Texts. Leuven: Peeters, 1992. 504 p.
10. CAD, R: The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago / eds Biggs R. D., Brinkman J. A., Civil M., Farber W., Gelb I. J., Oppenheim A. Leo, Reiner E., Roth M. T., Stolper M. W. Chicago, 1977. 442 p.
11. *Bidmead J.* The Akītu Festival: Religious Continuity and Royal Legitimation in Mesopotamia. Gorgias Press, 2002. 220 p.
12. CAD N1: The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago / eds Brinkman J. A., Civil M., Gelb I. J., Oppenheim A. Leo, Reiner E. Chicago, 1980. 382 p.
13. RLA: *Ebeling E., Meissner B.* Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie; vol. 2: Ber — Ezur. Berlin; Leipzig, 1938. 497 S.

Статья поступила в редакцию 10 января 2013 г.